22:22

ТАТЬЯНА СТОРМ

Нравится: 3726

ТАТЬЯНА СТОРМ

ГОСПОЖА и её ВЛАДЕЛЕЦ

Издательство
ПЛАНЖ
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С82

Оформление обложки Владимира Ходукина
Художник Ольга Горбунова

Госпожа и её Владелец / Татьяна Сторм — М.: Издательство «ПЛАНЖ», 2022. — 480 с.

«Госпожа и её Владелец» — хорошо проработанная панорама современной жизни от Москвы до города «С» с узнаваемыми персонажами: инстаграмная красотка, толстосум и новая Пассия, домработница, директор школы и учитель истории, брошенка с прицепом и даже Доктор ХУ. Колоритные страсти кипят на благотворительных балах, в школах, судах и предвыборных дебатах. Зачем Госпоже Владелец и причём здесь «Балбесы» Достоевского? Пёстрый, увлекательный, остроумный роман, в котором смешались классическое повествование и модернистская пародия.

ISBN 978-5-6045678-5-2

© Татьяна Михальская, 2022
© Издательство «ПЛАНЖ», 2022

Оглавление

ЧАСТЬ 1 **5**

Глава 1 6
Глава 2 16
Глава 3 21
Глава 4 26
Глава 5 29
Глава 6 38
Глава 7 49
Глава 8 59
Глава 9 69
Глава 10 79
Глава 11 94
Глава 12 104
Глава 13 120
Глава 14 129
Глава 15 138

ЧАСТЬ 2 150

Глава 1 151
Глава 2 165
Глава 3 176
Глава 4 186
Глава 5 208
Глава 6 224
Глава 7 235
Глава 8 243
Глава 9 253
Глава 10 261
Глава 11 266
Глава 12 280
Глава 13 288
Глава 14 295
Глава 15 304

ЧАСТЬ 3 311

Глава 0,5 312
Глава 0,5 315
Глава 2 322
Глава 3 336
Глава 4 346
Глава 5 356
Глава 6 366
Глава 7 385
Глава 8 398
Глава 9 412
Глава 10 431
Глава 11 438
Глава 12 451
Глава 13 462
Глава 14 476

ЧАСТЬ 1

«И разориться из любви к поэзии — это честь»
О. Уайльд
«Портрет Дориана Грея»

Глава 1

В которой мы знакомимся с Госпожой Зариной и её Домом На Облаках

Госпожа Зари́на покинула свою постель из нежно-голубого перкаля и подошла к окну. Огромное — оно полностью занимало стену комнаты: в нём то вспыхивали утренние зори, то разливались закаты, то серебрился свет луны. Однако переменчивое осеннее небо всё реже выводило на стеклянном холсте рубиновые рассветы, всё реже разбрасывало по нему морозно-синие звёзды, но всё больше туманило вид холодной тоскливой моросью. Если смотреть вниз из пентхауса Госпожи, венчавшего собою стодвадцатиэтажное московское строение, то взору открывался бескрайний океан облаков. Летом — клубящийся, воздушный, как белоснежное суфле, зимой и осенью — тяжёлый, плотный, будто кремовый слой давно просроченного пирога. Из-под серой взвеси доносился мерный гул, говоривший о том, что внизу существует жизнь. Приглядевшись, а ещё лучше — вооружившись биноклем, можно было различить змейки дорог, вереницы автомобильных фар, бледную подсветку зданий. Летом в хорошую погоду город просматривался резче, голоса птиц, сигналы машин звучали ярче, гул в доме Госпожи Зарины становился звенящим, беспокойным, и тогда она покидала своё жилище, предпочитая шуму московских улиц тихий рокот морского прибоя.

Надетая на Госпожу сорочка из легчайшего батиста оттенка «шампань» ниспадала полупрозрачными

фалдами, сквозь которые, будто очерченные акварелью, проглядывали изгибы стройного выразительного тела. Густая же копна тёмных волос выделялась драматичным пятном на нежном полотне, свидетельствуя о сложном характере их обладательницы: скрытном, хотя вместе с тем быстрым на эмоции, и заносчивым, в том смысле, что — читатель не раз сможет в этом убедиться — Госпожу то и дело заносило, а туда или нет — вопрос дискуссионный.

В дверь спальни постучали — вошла крепкая, на зависть работящая горничная в форменном голубом платье и белом переднике, точь-в-точь из фильма «Прислуга». Удерживая на подносе чашечку кофе с куполом свежей молочной пенки, она поприветствовала хозяйку с весёлостью человека, который уже давно на ногах.

— Проснулись, Госпожа? Вот, взбодриться вам, добренького утречка!

Госпожа развернулась, не спеша сняла со спинки бархатного кресла шёлковый халат, накинула его поверх сорочки и молча протянула руку за чашкой. Горничная (звали её Клавуней, а иногда Клавой, а иногда и Клавкой) ничуть не смутилась отсутствием от хозяйки обратной связи, всякие там «спасибо» и благодарственные кивки, возможно, и были желательны, но в агентстве ей давно разъяснили, что бытовое равнодушие хозяев — не просто издержка субординации, а разумный нейтралитет, на котором строится долговременное сотрудничество: чем больше нейтралитета, тем надёжнее место, вот и у Зарины Клавуня работала уже шестой год. Правда, нельзя сказать, что Госпожа всегда вела себя отстранённо, у неё случались и всплески болтливости, и доброго располо-

жения. Отставив поднос, горничная принялась энергично взбивать подушки и застилать постель. Наградив тяжёлое бархатное покрывало финальными поглаживаниями и вопросительно взглянув на Зарину — не будет ли каких распоряжений, — горничная со словами «к завтраку, Госпожа, всё готово, поешьте курласан, пока горячий» удалилась из комнаты.

«Курласан» (так бестолковая служанка упорно величала круассан) всегда подавался к завтраку несмотря на калории. Дело в том, что Зари́на никогда его не доедала, только два-три раза надкусывала, круассан был ей необходим для настроения и антуража, отчасти романтичного, отчасти аристократичного. Припудренный полумесяц выкладывался обычно на розовое с золотым горохом блюдце, дно которого устилалось кружевной салфеткой, рядом непременно выставлялись тонкая фарфоровая пиала с малиной и голубикой, серебряный кофейник, молочник, десертные ложечки, апельсиновый сок в муранском стекле и несколько штук кантуччини. Изысканная композиция фотографировалась, пропускалась через фильтры и выкладывалась в Инстаграм с мотивирующим текстом. Грядущий день, при всей насыщенности ожидаемых событий, не нарушал традиций, поэтому, выпив кофе в спальне, Зари́на отправилась следом за Клавуней в гостиную, к неизменному круассану.

Просторная светлая гостиная, казавшаяся тем более просторной и светлой из-за необъятных окон, делилась на зону кухни с белой мебелью, белым мраморным полом, обеденной частью с причудливым дизайнерским столом и зону досуга с телевизором, вместительным белым диваном и белым роялем с функцией Piano Disc.

Там же разместился и столик кофейный, где обычно сервировался завтрак. Привычными движениями Госпожа Зари́на подправила натюрморт, протянула к круассану левую кисть (рубин на указательном пальце сочетался с оттенком ягод в фарфоровой пиале), выхватила камерой телефона нужные ракурсы и нащёлкала десяток фотографий. Затем выбрала лучшую и сочинила надпись: «Я всегда стараюсь найти время для того, чтобы успокоиться, посмотреть вокруг и внутрь себя и ощутить, что вокруг так много вещей, за которые следует быть благодарной. Так много вещей, которые делают нашу жизнь ярче, интереснее и более волнующей. Мы становимся счастливыми, когда обращаем внимание на эти маленькие вещи, когда ценим их. Но самое большое сокровище — это ЛЮБОВЬ! Чистая и безусловная. С любви начинается счастье! Счастье начинается с любви к себе! Берегите любовь, учитесь принимать жизнь в её мелочах, учитесь быть здесь и сейчас! Учитесь ценить настоящее!» — и — вуаля! Фото в ленте!

С беспокойством следила Зари́на за лайками. Триста пятьдесят тысяч фолловеров — наследие ещё недавней яркой светской жизни, — и вот никаких новых за последние месяцы, напротив, пара десятков тысяч отписались, есть над чем задуматься. Госпожа Зари́на чувствовала, что ей становится всё труднее поддерживать имидж благополучной светской львицы. Честное слово, ей уже нечем похвастаться в «сторис»! Всё реже получает она приглашения на статусные вечеринки и рауты за исключением благотворительных балов.

Прошёл уже год, как она рассталась с Любимым, главной удачей её жизни, Петром Корзуном, миллиардером,

чьё имя не является известным широкой массе, но чьи капиталы имеют значение для большой её части. Разумеется, упомянутый коммерсант имел благопристойный фасад, состоявший из официальной жены и двоих детей-подростков, но также и полный карт-бланш на параллельные отношения с эффектной красавицей. А Госпожа Зарина таковою, безусловно, являлась, и хотя она повстречала свою удачу будучи двадцатидевятилетней девушкой, индустрия молодости способствовала тому, чтобы красота её не только не умалялась с годами, но расцветала ещё больше. Губы её стали полнее, скулы острее, брови ровнее, зубы белее, волосы шелковистее, овал лица благороднее, фигура подтянутее. Другими словами, Госпожа Зарина обрела ту породистость, которая наряду с дорогими статусными нарядами делала её частью светского мира первой величины. С внешностью менялась и её манера держать себя. Это была уже не робкая дева, угождающая властелину каждым своим движением, доказывая своё право быть рядом с ним, а знающая себе цену Гранд Дама, умеющая вовремя сказать, вовремя промолчать, торжественно расцеловаться в щёчку, изящно пожать руку, лучезарно улыбнуться без намёка на дальнейшую дружбу и с намёком на неё — в зависимости от обстоятельств. Тогда же, на волне успеха, Госпожа Зарина решила сделать из своей фамилии имя. Дело в том, что За́рина первоначально была фамилия с ударением на первый слог, в которой её хозяйке слышалось неблагозвучие: что-то от «зариться», «позариться», иными словами «позавидовать», а Госпоже За́риной хотелось звучать благородно, изысканно, без намёка на человеческую слабость. Она долго думала,

как быть, пыталась даже взять девичью фамилию матери Соколова, но вдруг к ней пришла идея переставить в фамилии За́рина ударение на второй слог — Зари́на, — и фамилия зазвучала. Теперь в ней слышались рассветы и зори, ощущались жаркие лепестки беспокойного пламени, благоухание восточных вечеров, но всё же Зари́на мало походило на фамилию, а больше на имя — так, Зари́на стало именем, а Госпожа — фамилией.

Почему вдруг «Госпожа», спросит удивлённый читатель, а почему бы и нет? Во-первых, на нашу героиню повлиял один чудовищно длинный исторический сериал, а во-вторых, Зарина ощущала себя Госпожой — и этого было достаточно. В общем, наша героиня стала Госпожой Зариной не только по своему изволению, но и по паспорту, и в конце концов забыла имя, данное ей матерью при рождении.

С новым именем Госпожа Зарина обрела ещё большую уверенность и ещё большее достоинство. На лице её всегда присутствовала загадочная полуулыбка, готовая превратиться в снисходительную или искреннюю в зависимости от ситуаций и людей, с которыми Зарине выпадало общаться. Она отточила выгодные фоторакурсы, овладела темами светских бесед и свободно могла обсудить преимущества того или иного курорта, достоинства разнообразных вин и драгоценных камней, особенности обслуживания и содержания бизнес-джетов и яхт, она была в курсе самых свежих модных веяний и трендов. В последнем Госпожа Зарина настолько преуспела, что стала иконой стиля, так называемой it-girl, стремительно набрав сотни тысяч фолловеров с минимальной накруткой. Часто Госпожу Зарину можно было

видеть на страницах светской хроники, Интернет содержал немало её фотографий со стрит-стайл looks, даже глянцевые журналы не раз публиковали фэшн-образы Зарины с репортажей неделей мод. Всё это так вдохновило Госпожу, что она разработала собственную марку элитных вечерних нарядов и уже готовилась к запуску проекта, как вдруг Любимый переметнулся к другой.

По большому счёту, кроме семилетней разницы в возрасте, новую фаворитку мало что отличало от Зарины: те же скулы, те же губы, те же брови, зубы те же, но одно существенное преимущество у неё, конечно, было. Девчушка, ещё вчера мечтавшая покорить хотя бы миллионера, встретила вдруг миллиардера! Ухаживания богача воспринимались теперь ею даром небес, сам он — божеством, подарки его вызывали щенячий восторг, экстаз, упоение, подобострастие, счастье до визга. Другими словами, эта женщина реагировала именно так, как любят и ценят богатые. А у Зарины в послужном списке уже значились состоятельные партнёры, их круг общения в конечном итоге привел к знакомству с миллиардером, потому она недолго играла роль благодарной девочки, слишком быстро начала подчёркивать свою значимость и принимать подарки с гордым ощущением того, что достойна их. К тому же её решение выпускать собственную линию дорогой одежды (за миллиардерский, впрочем, счёт) было продиктовано желанием поднять планку в отношениях с Любимым, пусть он видит, что она талантлива и способна зарабатывать сама. Но обстоятельства сыграли против неё.

Госпожа Зарина поднялась из-за стола, по-прежнему не глядя на Клавуню, которая, тихонько снимая пыль

с рояля, краем глаза следила за утренней трапезой хозяйки и теперь молниеносно очутилась рядом, чтобы убрать посуду и натереть столик до блеска. Зарина охватила взглядом пространство — широкое, с высоченными потолками, великолепно оформленное, — и чувство удовлетворения, и вместе с тем тревоги отразились на её лице. Да, с одной стороны, всё было не так уж плохо, от миллиардера ей достался роскошный пентхаус и престижный автомобиль, но дорогое имущество требовало содержания, равно как и наличие горничной, от которой Госпожа не хотела отказываться (Клавуне была выделена отдельная комната для постоянного проживания), а деньги тратились те, что она успела скопить за время пребывания с Любимым, стоит ли говорить, что банковский счёт, не будучи внушительным, стремительно истощался?

Гардероб Зарины был набит платьями, пальто, сапогами, туфлями, жакетами, брюками, куртками, жилетами, кардиганами, шубами и, разумеется, сумочками доверху, но, с другой стороны, Зарине как иконе стиля нужно было регулярно приобретать что-то из must-have новых коллекций, публиковать фото актуального look'a прежде других it-girls, равно как посещать недели мод в европейских столицах, наряжаясь во всё самое трендовое, а сейчас это становилось затруднительно. Голова Госпожи просто разрывалась от разных «как»:

Как из бизнес-джета пересесть в обычный бизнес-класс или, что уж совсем печально, эконом?

Как поменять пятилетнюю Бентли на новую?

Как отдыхать на островах хотя бы два раза в год?

Как дарить подругам с их успешными супругами экс-

клюзивные подарки, если вдруг те пригласят её отметить дорогое им событие?

Поддерживать прежний уровень жизни для Зарины было крайне важно, иначе это становилось публичным признанием в проигрыше, а к этому Госпожа ничуть не была готова. Скрепя сердце она тратила свои накопления, всякий раз утешая себя, что трудности не вечны, когда-нибудь они закончатся, наступит белая полоса, но ситуация и не думала меняться: Любимый выгуливал новую Пассию, та в свою очередь блистала на страницах модных изданий с ещё большим размахом, подруги избегали приглашать Зарину на вечеринки, где присутствовали их мужья и любовники, а звали только на девичники, сама Зарина так и не обзавелась своим делом, позволяющим ей на равных держаться с высоким кругом независимо от наличия у неё статусного покровителя. «Я и есть стареющая Бентли, — с горечью думала Зарина, — когда я познакомилась с Петей, мне было двадцать девять, а теперь тридцать пять, а скоро… уже совсем скоро исполнится…»

Читатель, здесь я возвышу голос, до этого говоривший с тобой весьма деликатно, возвышу, насколько позволяет мне хронический тонзиллит (весной и осенью у меня всегда обострения), для того чтобы подсказать тебе, какая цифра следует за тридцатью пятью, потому что цифра эта далеко не тридцать шесть и даже не тридцать семь. Давай посмотрим на ситуацию объективно. Если тебе, к примеру, сорок лет и больше, но при этом ты не владелец бизнес-джетов, яхт и вилл, то есть ты из тех смертных, что ходят по земле, то, услы-

шав «тридцать шесть» относительно чьего-либо возраста, ты представишь себе «тридцать», как мы всегда представляем младших нас ещё младше. Если тебе всего двадцать, то к тридцати шести годам Зарины в твоём восприятии мгновенно приплюсуется ещё десяток, и наша красавица потянет на все сорок шесть. А сколько же тогда Любимому, спросишь ты (хороший вопрос, для нас он ключевой в понимании последовательности чисел). Отвечаю. Сейчас ему пятьдесят четыре года, на момент знакомства с Зариной было сорок восемь, но с домами, яхтами, автомобилями, самолётами и прочими игрушками он ощущал себя на тридцать пять, потом на тридцать, потом на двадцать пять, и как бы это ни казалось кому-то противоестественным, очевидно, что его судьба — молодеть дальше. «Цари не старятся», — сказал Эразм, а мы добавим, что и не взросле… Прости, читатель, кхм… необходим глоток воды, мой возвышенный голос зазвучал слишком низко… Кхм…

…Отлично, сейчас намного лучше… Так вот: теперь ты можешь представить, какая на самом деле цифра следует за тридцатью пятью в случае с Госпожой в восприятии ею Любимым и ему подобными? Но пока мы разглагольствовали, Зарина убежала обратно в спальню, а оттуда в гардеробную, и, прежде чем последовать за Госпожой, позволь мне рассказать тебе кое-что о главной комнате моей героини и нескольких удивительных полочках, которые…

Глава 2

Где мы подробнее знакомимся с гардеробной Зарины и содержимым её полочек

...которые заслуживают отдельной главы. Итак, великолепная гардеробная Госпожи Зарины примыкала к спальне и по размерам соревновалась с гостиной. Вернее, гостиная соревновалась с гардеробной, и надо отметить, выигрывала немногим. В последней не было окон, но к этому можно смело добавить «Слава Богу», так как свободные стены, обрамлённые изысканной лепниной по самому верху, служили огромным пространством для высоченных лаковых, очень вместительных шкафов. Венецианская люстра свешивалась с потолка пучками хрустальных гирлянд и, отражаясь в глянцевых поверхностях, заставляла помещение искриться всеми оттенками спектра. Эркер в гардеробной занимало гигантское зеркало, позволяющее рассмотреть себя со всех ракурсов, оно визуально расширяло помещение до необъятных размеров, умножая количество стеллажей. Их содержимое большей частью скрывалось за деревянными лаковыми фасадами, но было в гардеробной и несколько открытых полочек, расположенных одна под другой. Когда вспыхивали лампочки центральной люстры, тотчас же загорались и крошечные подсвечники по краям полочек и оттуда вдруг разливалось ослепительное сияние. Частенько Госпожа присаживалась в кресло напротив и, размышляя о модных образах, любовалась волшебными

переливами, исходящими от драгоценных камней, — о, это, разумеется, были они! Воистину, кто хоть раз видел их чистейший живой огонь, тот уже никогда не посмотрит в сторону страз Swarovsky. Зарина, как и многие статусные женщины, ценила украшения, причём серьги она любила больше колец, а ожерелье больше серёг, но кольца больше ожерелий. Однако же на полочках сверкали не кольца, не ожерелья и даже не серьги, а… сумочки.

Ах, мой друг, сейчас ты скажешь: ну кого это сегодня удивляет? Разве кто-нибудь всерьёз считает, что сумочки не могут быть таким же предметом роскоши, как и бриллиантовая тиара? Да если нет у кого последней, а есть только правильная сумочка — можно смело стучаться в самые толстые двери, за которыми прячется самое наглухо закрытое общество, даже не «стучаться», а открывать эти двери с пинка и уверенно шагать в самую гущу собравшихся. И всё-таки, говоря о сумочках Госпожи, я подразумеваю не какие-нибудь шоперы, тоуты, хобо, атташе, полумесяцы, таблетки, саквояжи, ковши, боксы, рюкзачки и флэпы, а веду речь о клатчах, и не просто о клатчах — каких-нибудь багетах, сёдлах, кисетах, барсетках, фолдоверах, конвертах или минодьерах, — а о книгах, то есть клатчах, выполненных в виде книг. Ты скажешь, эка невидаль, любая модница, любая it-girl, непременно имеет такой. И ты, читатель, конечно, в курсе, что с виду это самая обычная книга, но в дизайнерском переплёте. На её обложке и корешке, точно так же, как на обычных печатных изданиях, указаны автор и название произведения, но, открыв её, ты увидишь айфон, пудренницу, помаду, ключи от автомобиля, коше-

лёк, кредитку — в общем, всё, что угодно, кроме самого произведения. Это, конечно, ирония, очень тонкая, а Госпожа Зарина любила иронию, вот почему подобные клатчи составили у неё небольшую по нынешним потребительским меркам, но впечатляющую по своему исполнению коллекцию. Расскажу подробнее о некоторых её экземплярах.

Первоначально Госпожа Зарина поддалась модному веянию, купив «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла, книга в розово-голубых тонах удачно сочеталась с её свитером оттенка «синий Эллис» по Пантон. Вторым приобретением стал зеленовато-сливочный «Питер Пэн» сэра Джеймса Барри, что в свою очередь прекрасно дополнило платье цвета «белый навахо». Проблема вышла с амарантовой юбкой: Зарина не смогла найти достойного клатча к яркому строгому силуэту, куда прекрасно вписался бы наш Антон Павлович с «Человеком в футляре», и ей пришлось довольствоваться «Маленьким Принцем» подходящей расцветки. Тогда Зарина решила заказывать клатчи персонального дизайна у итальянских мастеров.

Первой пробой стала мало кому известная Пола Хокинс «В тихом омуте», но это был, дорогой друг, феноменальный успех. Несмотря на простоту исполнения, клатч привлёк внимание многих мужчин на одной из крутых вечеринок по итогам экономического форума, куда Зарина была приглашена одним из своих друзей-бизнесменов. Среди заинтересованных в знакомстве с прекрасной дамой оказался и Пётр Корзун, он рассмотрел название клатча, когда Зарина очаровательно прислонила его к груди, убирая гладкий чёрный локон со своего ухо-

женного лица. Одним махом миллиардер очутился возле Зарины, уточнил, естественно, как много водится в Зарине чертей, и уже на следующий день в её съёмную квартиру пятеро помощников вносили громаднейшие букеты роз, орхидей и пионов всевозможных сортов.

Если западный триллер помог Госпоже Зарине увлечь миллиардера, то удержать его должна была великая русская литература. Не имея нужды экономить после знакомства с Любимым, Госпожа Зарина щедро тратилась на оформление сумочек, ведь те становились чем-то бóльшим, чем модный look. Сам олигарх редко сопровождал Зарину на вечера и рауты, зная, что там присутствуют фотографы и общие знакомые семьи, а иногда и сама супруга, но до него всегда доходили слухи о том, каким успехом пользуется Зарина у мужчин. Наличие конкурентов, хотя и не таких статусных, как он, Пётр Корзун, привносило в отношения, не связанные официальными узами, ту щепотку специй, без которой любовное зелье не стало бы приворотным.

Когда Зарина брала мареновый клатч «Олеся» Александра Куприна, украшенный кристалловидными ясписами, подходили мужчины, улыбаясь лукаво, и спрашивали, зовут ли её Олесей на самом деле, а то и сразу обращались к ней по этому имени. Когда Зарина выбирала «Алые паруса» Александра Грина, инкрустированные огненным сардисом, мужчины тут же вызывались подвезти её до жилого комплекса «Алые паруса», где, как они думали, она живёт. Бывало, Зарина пошутит, возьмёт «Бесприданницу» Александра Островского, сверкающую зеленью смарагдов, и мужчины тут же предлагают ей знакомство, а то и сразу помощь, если нужно. Зарина,

конечно, отказывалась, но в памяти поклонников оставалась почему-то ещё долго, вместе с желанием ей помочь. Когда Госпожа Зарина брала «Горе от ума» Александра Грибоедова, усыпанное космически-синими сапфирами, то множество сердобольных мужчин пускались с ней в дискуссии на разные темы, а после недоумевали: от такого-то ума случается разве горе?

«Кому на Руси жить хорошо» Николая Некрасова горел солнечным халцедоном, ярко-жёлтым линкурием, привлекая, как правило, успешных журналистов, писателей и, конечно, политиков, лидеров партий, мэров городов. «Идиот» Фёдора Достоевского переливался коралловыми сардониксами, абрикосовыми сердоликами и травянисто-золотистыми хризолитами, этот клатч должен был одновременно притягивать остроумных людей и отпугивать тупых. Дело в том, что первые три буквы в названии сумочки размещались на верхней строчке, а две последние — на нижней, то есть выглядело это как «Иди от». Умный человек, заметив имя автора, обычно начинал смеяться, глупому же мерещилось двойное оскорбление, и он тут же исчезал. Надо сказать, что именно с этим клатчем у Зарины связано множество забавных случаев, поэтому, заказывая ещё одного Достоевского — «Бесы», — с морской воды бериллами, прозрачными топазами, огромным хризопразом и несколькими изумрудами, Госпожа Зарина надеялась на ничуть не меньший вау-эффект, но пару раз выгуляв клатч в театры, осталась недовольна: сумочка привлекала лишь экзальтированных историков, зрителей «Битвы экстрасенсов» и православных активистов, так что Госпожа Зарина была вынуждена обратиться к итальянскому

мастеру, чтобы тот добавил к «бесам» слово «бал», — получилось «Балбесы» — клатч отлично подошёл для пляжных вечеринок и празднования Хэллоуина.

Однако любимой сумочкой Зарины оставалась гоголевская «Шинель». Её украшал огромный логотип «Шанель», выложенный фиалковыми аметистами, зеркальными обсидианами и золотыми жемчугами, а сам клатч лилово-серого оттенка «розовый Маунтбуттен» имел чудесное свойство подходить абсолютно ко всему, что бы Зарина ни надела.

Возможно, кто-то задумается: почему эти необычные, привлекающие активное внимание мужчин клатчи помогли Госпоже Зарине тогда, а сейчас не работают? О, мне тоже хочется это понять. Может быть, потому, что ярких мероприятий в жизни Зарины стало значительно меньше, может быть, потому, что клатчи выгуляны все до одного и уже некого ими удивлять, а может быть (и к этому мнению склонились все психологи, которых посетила Госпожа), дело в истощении женской энергетики, работавшей до этого на полную мощность.

Глава 3

В которой Зарина выбирает платье в качестве лота

Как мы помним из первой главы, Госпожа Зарина после завтрака направилась в спальню, а оттуда — в гардеробную (как видишь, читатель, на сумочках мой рассказ о главной комнате не закончился, а только начался). Венецианская люстра, уловив шаги хозяйки,

поторопилась рассыпать блики по лаковым шкафам, полочки привычно заискрились. Однако Зарина, минуя драгоценные витрины, прошествовала в дальнюю секцию, где была выставлена целая галерея безголовых манекенов. Вероятно, всякому, кто видел эту часть гардеробной впервые, позы манекенов показались бы странными: одни из них наклонялись вперёд, другие вбок, иные будто сидели на корточках, иные вообще лежали, прикрытые тончайшими кашемировыми палантинами, сквозь которые проглядывали очертания поистине роскошных тел, не свойственных обычно пластиковым болванкам. Госпожа медленно прошлась вдоль галереи, пристально осматривая выставленные на них вечерние туалеты от известных дизайнеров, в основном трендовые, хотя и весьма дорогостоящие, но было среди них несколько штучных экземпляров, которым в мире нет аналогов. Дело в том, что во время путешествия Госпожи Зарины и Любимого по северу Франции, когда в голове её уже мелькали идеи о собственной линии одежды, увидела она в одном из замков платье маркизы де Помпадур для утреннего чаепития. Долго рассматривала его Гос-пожа: виртуозно сшитое, с множеством очаровательных деталей, тесёмочек, кружев, бантов и складочек, долго любовалась тканью, и по нынешний день не утратившей блеска и формы, представила, разумеется, в платье себя за завтраком с Любимым, и осенила её вдруг идея относительно вечерней коллекции. Что, если создавать наряды современные, подумала Зарина, но с использованием драгоценных тканей прошлого, для придания марке истинного, а не искусственного, как у распиаренных брен-

дов, духа элитарности, а клиентками станут женщины первой величины — тут же в воображении Зарины за эксклюзивом от марки Gospozha Z выстроились очереди из первых леди, голливудских звёзд и московских светских львиц. Госпожа, недолго думая, отыскала специалиста по антиквариату и всяческим историческим редкостям, и тот раздобыл ей подлинные кусочки венецианского золотого броката эпохи позднего Средневековья, французского шёлка и глазета времён Людовика XIV, византийского крестчатого атласа XIV века и даже кусочек древней китайской парчи времён династии Сун. Принёс он и ленточку с настоящего (божился и клялся) костюма Помпадур для королевской охоты, и Госпожа Зарина сочинила дебютное платье изысканного кроя из перламутрово-серого бархата, в отделке которого использовала помпадурскую ленту и турецкий алтабас XVII века с растительным орнаментом в виде крупных набивных гранатов, символов счастья, украшавших некогда плечи самого Мурада IV, правителя Османской Империи. Пять вечерних образов успела воплотить Госпожа, оформив на каждый элемент отделки сертификаты подлинности, и сейчас, прогуливаясь по галерее, ей предстояло выбрать look для сегодняшнего торжественного раута. Взгляд Зарины, блуждающий по манекенам с Dior и Valentino, постоянно возвращался к вышеописанным пяти шедеврам: на мероприятии должны присутствовать потенциальные клиентки, а лучшей возможности для презентации собственного бренда и придумать нельзя, хотя Зарине и придётся расстаться с одним из своих творений. С каким же? «Дебютным», — вздохнула Зарина и секунду спустя уже снимала его с… хмм…

Дорогой читатель, когда Зарина приоткрыла то, на чём висело её любимое детище, я уже не могу называть это, как прежде, безголовым манекеном, или, того хуже, вешалкой, или чем-то подобным, пришло время рассказать тебе, что находится под платьями Зарины… даже не знаю… здесь я чувствую некоторое замешательство в силу необычности описываемого мною антуража… короче говоря, под платьями Зарины прячутся — мать честна́я — древнегреческие скульптуры. Думаю, не оригинальные, и сама Зарина соглашается с тем, что это копии, но копии прекрасные, потому как тоже древние, преимущественно римские. Не могу здесь ничего прокомментировать, знаю только, что у Петра Корзуна есть друг, который отливает великолепные статуи в Китае, точь-в-точь греческие, периода высокой классики, поэтому эти великолепные фигуры предстали, читатель, перед тобой в разных позах, хотя, например, Венера Милосская, а также Афина Паллада, равно как и Гера, и Афродита (с которой, кстати, и был снят бархатный экземпляр с турецким алтабасом) стояли совершенно прямо. Но окружали их прелестные аониды, и изящные парнасиды, и касталиды, и ипокрениды, и пиэриды, и прочие музы, чьи фигуры были запечатлены в момент непринуждённых игривых движений. Почему все эти великолепные скульптуры без головы, спросишь ты (хотя мы понимаем, что многим из них без головы вполне приличествует быть в силу древности)? Да потому что Госпожа Зарина хотела приставить к ним свою голову, вернее сказать, свои головы с разными прическами, так ей легче было бы создавать look и оценивать его сразу в 3d-пространстве. Головы эти (преимущественно из

каррарского аутентичного мрамора, выполненные по образам и подобиям бюстов из коллекций Ватикана) вот уже года три лежали в больших коробках с древесной стружкой, и пристроить их к туловищам у Зарины никак не доходили руки. Вернее, не у самой Зарины, а у одного известного скульптора, которого Госпожа долго уговаривала и даже внесла предоплату в пятьдесят процентов за работу, но мастер оказался настолько занятым, оформляя античную аллею на даче одного бизнесмена, что до сих пор не удостоил нашу героиню визитом.

Почему, дорогой читатель, я так долго и подробно описываю гардеробную Зарины, утомляя тебя деталями, пусть выдающимися, пусть весьма неординарными, но, возможно, в твоём понимании довольно мелкими на фоне общемировых проблем или твоих личных планов на ближайшую неделю. Из-за меня ты никак не покинешь эту комнату, будто нет у тебя других дел, кроме как глазеть на гардеробную Госпожи Зарины. Но видишь сам, это повествование, хотя и может показаться длинным, на самом деле весьма и весьма коротко, ведь о гардеробной моей героини можно писать не останавливаясь, в ней много того, что хватит ещё на несколько книг, я же ограничиваюсь парой-тройкой глав, что, согласись, ничто.

Какова же моя истинная цель? Хочу показать тебе Зарину личностью тонкой, эстетичной, вернее даже тонко-эстетичной, вернее даже тонко-претонко-эстетичной. Пусть в глазах твоих она предстанет благородной душой, пусть роскошь, окружающая её, не вызывает в тебе ни зависти, ни недоумения, ни того хуже, злости, так как роскошь эта интеллектуального свойства и объясняется искусствоведческим образованием, полученным

в государственном институте одного из наших российских городов. Тем более скажу тебе, читатель (этого никогда не одобрила бы Зарина, но я скажу), платье она выбрала для благотворительного бала, чтобы продать его и вырученные деньги тут же отдать нуждающимся. И в самом деле… возможно, не стоило мне рассыпаться описаниями предметов и окружающей обстановки, когда поступок нашей героини свидетельствует о ней красноречивее любых внешних атрибутов, пусть и роскошных, ибо что такое внешнее, оно может быть растолковано по-разному, ведь, как говаривал один рассудительный англичанин (прежде чем ему родиться), каждый склонен судить о ярмарке по собственной выручке.

Глава 4

В которой мы загибаем пальцы, а Зарина всё ещё собирается на бал

И всё-таки, мой друг, расскажу тебе, во что оделась Зарина, отправляясь на бал, задержимся ещё на пять минут в гардеробной, присаживайся на любое понравившееся тебе кресло или на жёлтый бархатный пуф, чтобы чувствовать себя под сводами этих высоких с лепниной потолков как дома. Но не забывай, что дом этот находится на облаках и чувства, которые ты можешь здесь испытывать, должны быть самыми возвышенными, хотя и придётся тебе по окончании рассказа спуститься с небес на землю. Что же касается Госпожи, то на свете существует не так много вещей, которые заставляют её спускаться на землю с небес. И если их все перечис-

лить, то хватит пальцев одной руки: мизинец — выход в спа, безымянный — фитнес, средний — ресторан, указательный — шопинг, большой палец — выход в аэропорт с выходом в какую-либо страну, а уж там — те же пальцы, с мизинца по большой. В этой круговерти, многократно повторяемой, а потому однообразной, есть некоторая печаль: для подобных выходов изысканные платья, которые мы только что лицезрели, совершенно не требуются. Вернее сказать, не требуются вообще никакие, даже обычные вечерние платья. Поэтому мы вынуждены взять пальцы другой руки и перечислить мероприятия, не относящиеся к повседневным, с большой надеждой, что роскошный вечерний туалет может быть уместен там.

Итак, мизинец — день рождения, безымянный — свадьба, средний — каннская дорожка, указательный — иные тематические вечеринки, наконец, большой палец — благотворительный бал.

«Именно это меня и огорчает, и тебя должно это огорчать, Санчо», — заметил как-то Дон Кихот применительно к своей ситуации, однако, сам того не ведая, высказался относительно положения Зарины. Сам спроси себя, дорогой читатель, как часто наденешь ты шикарное вечернее платье на день рождения в нашем демократичном веке, особенно если празднуешь событие на природе в компании шашлыков — неважно, в качестве именинника или гостя.

Другое дело свадьба, заметишь ты, и на самом деле это помпезное торжество, требующее самой тщательной подготовки и лучшего платья, может случиться в жизни и дважды, и трижды, однако в кругу Зарины свадьба не такое уж частое явление, поскольку счита-

ется предприятием коммерчески невыгодным, если смотреть на него с точки зрения инвестиций или фьючерсных контрактов, ведь товар (каким бы соблазнительным он ни был изначально) — как пить дать — подпортится, и расходы на его амортизацию возрастут. Так что, если уж свадьба состоялась, важно, нарядившись на неё в качестве гостьи, не затмить невесту, дабы оставаться вхожей в новый образцовый дом.

Что касается красной дорожки в Каннах, то единственный выход на неё Госпожи был скорее издевательством, нежели удовольствием. Во-первых, вместе с ней на дорожку повалили гости непонятно какого эшелона, многие из них предпочли каблукам сандалии или кроссовки, а уж о красивых платьях не было и речи. Во-вторых, пройтись пришлось всего-то пятьдесят метров, подняться всего-то по двадцати четырём ступенькам, и во время этого оскорбительно короткого дефиле никто из целой толпы журналистов не сфотографировал Госпожу и её фирменный наряд, чего она никак не ожидала — ужас, ужас, об этом лучше не вспоминать, — и если бы не Любимый, сделавший несколько снимков на свой телефон, у Зарины не осталось бы на память ничего, кроме разочарования.

Иные тематические вечеринки — главным образом показы мод именитых брендов и торговых домов — жалуют прежде всего звёзд стрит-стайла, потому как в великом изобилии располагают «кежуал шиком» на полках своих бутиков.

Остаётся благотворительный бал. О, благотворительный бал на то и «бал» — именно там можно выгулять чудесный вечерний туалет, дополнив его крупными

бриллиантовыми серьгами или колье, или тяжёлым сверкающим перстнем, или изящными ювелирными часами, а лучше и тем, и другим, и третьим. Поэтому пять вечерних платьев Зарины хватило бы ей на пять великолепнейших благотворительных балов, если бы сейчас она не решила выставить одно из них в качестве лота.

Но, боюсь, настало время покинуть нам гардеробную, полную сокровищ, благо система «умный дом» уже раскрыла перед нами дверь, оставим Зарину в одиночестве выбирать себе туалет, не будучи никем смущаемой. Ты спросишь: а как же цель нашего визита сюда, ведь ты надеялся увидеть её во всей красе, как было заявлено вначале? Но, дорогой друг, Госпоже предстоит примерить десятки вечерних вариантов и их различных комбинаций, что растянется до самого вечера, придётся ей приложить усилия, чтобы не опоздать на мероприятие… Уйдем потихонечку и встретим Зарину во всём её блеске непосредственно на балу.

Глава 5

В которой говорится о контексте

Дымчато-пудровое платье с тесьмой из итальянской парчи эпохи Возрождения с добавлением натуральной серебряной нити, на талии широкий светлый пояс из паучьего шёлка французских мастеров, в тон поясу высокие перчатки (говорят, их носила сама Жозефина), шея открыта, волосы подняты, открывая взору бриллиантовые нити серёг. Добавь к этому изящную посадку головы и королевскую осанку — и ты получишь частичное пред-

ставление о том, каким ослепительным получился образ Госпожи Зарины. Почему лишь «частичное» представление? Потому что важен ещё и контекст, в который вписана наша жемчужина, томится ли она в дешёвом ювелирном сплаве или завораживает волшебными переливами в обрамлении чистейшего золота и диамантов? К счастью, мероприятие, на которое отправилась Зарина, оказалось великолепным контекстом её наряду, и если в роли диамантов величаво выступала сама идея благотворительности, то чистейшим золотом явилось здание, в котором эта идея воплощалась.

Усадьба-музей, открывшая свои высоченные резные двери для милосердного раута, расположилась в ухоженной парковой зоне немного за МКАД. Окружали её величественные сосны, оставшиеся, впрочем, за кованым забором, ближе к зданию подступали дубы и клёны. Их пышные кроны горели янтарём в лучах садившегося за горизонт светила. Хотя осень уже была полноправной хозяйкой московского годового круга, на центральной аллее ещё журчали фонтаны.

Подъехав к зданию на белом Майбахе, нанятом специально для такого случая, Зарина с аристократичной грацией покинула заднее пассажирское кресло, воспользовавшись помощью швейцара. За Майбахом успели выстроиться другие автомобили в ожидании своей очереди встать у парадной лестницы. Зарина вошла в здание, её кашемировый кейп тут же забрал гардеробщик. Подхватив удобнее клатч, в роли которого на этот раз выступал раухтопазовый с лабрадоритами Ремарк «Жизнь взаймы» (тонкий намёк Любимому в случае его присутствия), Зарина огляделась. Над ней раскинулся

огромный, необыкновенно высокий потолок, поддерживаемый мраморными колоннами. Потолок этот был покрыт слоем глянцевого золота, и лившийся с него таинственный свет, подобный свету икон в мерцании лампад, благословлял красивых людей, собравшихся под его сводами. В золотых бликах по-особенному торжественно искрились бриллианты, горели рубины, белели жемчуга. Платья шелестели под виолончели и саксофон джазового оркестра, пузырьки шампанского рвались из оков узеньких фужеров, готовые освежить носики благородных дам, на широких блюдах зазывно пестрели канапе с креветками, крабовым мясом, сыром, икрой и ягодами.

Стены приёмного зала, где собралось блестящее общество, были сплошь украшены живописными фресками, изображавшими ратные сцены из военной биографии хозяина-аристократа, давно почившего. Новый же хозяин, взявший усадьбу под своё попечение, добавил помещению современного шика: по периметру вместо старых бюстов он установил абстрактные инсталляции актуальных художников, организовал мягкие зоны из диванов и кресел в стиле «лофт» для светских бесед, здесь же водрузил ультрамодный рояль из прозрачного пластика. Несмотря на любовь хозяина к постмодернизму, исходная историческая база усадьбы была тем не менее им тщательно воссоздана: колонны заново отполированы, полы отреставрированы, мозаика подклеена, парадная лестница устлана новым красным ковром. Однако санузлы решено было переформатировать полностью, и теперь они являлись образцом технологичного рококо. Чистейшие алебастровые унитазы в окружении стен из

зелёного оникса с подсветкой дарили гостю ощущение исключительной свежести, воздух наполнялся дивными сложносоставными ароматами, не успевая портиться, так что посетителю казалось, что из него выходит некий благоухающий субстрат. Последний моментально смывался и анализировался на предмет дисбактериоза, токсинов и паразитов, результаты тут же отправлялись в виде смс с предложением записаться к конкретному доктору (владелец усадьбы являлся также владельцем клиники). Чистейшая артезианская вода ласково омывала место выхода субстрата, пока его производитель знакомился с данными о погоде, такси и пробках на световых табло, при желании он мог наблюдать и прямую трансляцию из банкетного зала. Никакие лишние звуки не беспокоили при этом посетителя соседней кабинки. Надо отметить, что рукомойники с позолотой, зеркала в тяжёлой кучерявой оправе, бархатные диваны с торшерами маскировали собой технологичные новшества, делая атмосферу санузла настолько уютной, что многие гости предпочитали именно эту часть здания всем остальным. Нередко в женской половине можно было встретить группу прехорошеньких сплетниц, рассевшуюся по углам, которая, впрочем, незаметно перемещалась на мужскую территорию, где, в свою очередь, обязательно задерживались два-три, а то и целых четыре видных джентльмена, хотя иногда и без приставки «джентл».

Как видишь, дорогой друг, усадьба самым убедительным образом подчёркивала красоту дел милосердия, творившихся сегодня в ней, ибо кто сказал, что добродетель горит ярче под сводами давно не реставрированных больниц, заглушаемая духотой лежащих в немощи тел?

Напротив, задумайся, не бывает ли поругана высота дел милосердия при небрежном их воплощении? Музыкальный шедевр, исполняемый в неподобающем месте, не превращается ли в набор унылых, порою откровенно тягомотных звуков? А живописное творение? Способен ли кто-нибудь оценить его истинное достоинство, пока оно не украсит стену знаменитого музея или роскошного дома богатого коллекционера? Тем более жемчужина души человеческой, именуемая благотворительностью, нуждается в самом величественном антураже!

Однако, взглянув на интерьер усадьбы, в котором одновременно правили изысканная классика, дерзкий постмодернизм и дорогостоящий минимализм, кто-то заподозрил бы нового владельца не столько в альтруизме, сколько в тщеславии, но спешу уверить тебя, читатель, это не так. Хозяин Усадьбы не только вложил огромные личные средства в восстановление памятника архитектуры, но и позволил всем желающим любоваться историческим местом два раза в год согласно расписанию, а кроме того, решительно отказался от помпезной памятной доски в свою честь и даже от скромной благодарственной таблички на входе. Вместо неё он оставил крошечное, ничем не примечательное напоминание о себе, адресованное скорее внимательным потомкам, чем беспечным современникам: во время реставрации живописной сцены, где народ в честь победы над Наполеоном нёс хоругви, художник стёр лик Спаса на одном из полотнищ и поместил туда лик Хозяина Усадьбы. Скромный от природы, заказчик попросил не трогать сияющий нимб — пусть образ мой, говорил он, принимают за чужой.

И правда. Однажды в усадьбе организовали пробный квест для школьников. Так и не узнав Хозяина на хоругвях, дети решили, что образ его воплощён в гигантской инсталляции, состоящей из трёх медных извилин. Эти извилины исходили из единой опорной точки и далее устремлялись вверх. Но правая и левая линии, дойдя до середины, расходились на запад и восток, центральная же указывала на север, образуя подобие древа. Стопроцентный купрум, отсылающий к эпохе медного царства Александра Македонского, намекал на античные корни нового хозяина, в этом смысле превосходившими своей исторической ценностью корни хозяина старого. Инсталляция эта, выкупленная у музея современного искусства в Лондоне, разместилась возле центральной колонны и...

О, мой друг, какая удача, прямо здесь я снова вижу Зарину, которая за время моего повествования совсем исчезла из виду.

Но... вдруг ты всё ещё находишься под впечатлением от санузла? Что, если мыслями и душой ты всё ещё пребываешь в райском уголке, лишь делая вид, что мои рассказы о скромном Хозяине Усадьбы тебе интересны? В таком случае позволь мне провести для тебя прямую трансляцию из точки, где замечена Госпожа. С фужером игристого в руках, она ведёт чинные беседы с гостями, образовавшими у инсталляции подобие полукруга. Пусть, однако, не смущает тебя, читатель, приставка «полу» применительно к данному обществу, знай, что это самый настоящий светский круг, просто в форме полукруга. Кивая и улыбаясь каждому, кто кивает и улыбается ей, Зарина вдруг за-

мечает поодаль Любимого, рядом с ним — элегантных мужчин в костюмах и белых рубашках, это телохранители. Вдруг взор Любимого устремляется в сторону Госпожи, и тогда она смеётся неизвестно чему, взмахнув непринужденно клатчем, но тут же улыбка сползает с её лица — мимо царской поступью шествует новая Пассия в богатом платье из пайеток и перьев. Уверяю тебя, читатель, не стоит задерживаться на описании этой дамы, скажу лишь, что платье превзошло её красоту, но не затмило колье. Несмотря на впечатляющую высоту каблуков, удерживающую взор Пассии над головами присутствующих, риск, что она посмотрит вниз и захочет поболтать с кем-то из друзей Зарины, весьма вероятен. Госпожа спешит ретироваться: до этого она чувствовала в себе силы встретиться с подобным вызовом не поведя и бровью, но краска, тотчас же залившая щёки и лоб с подбородком, разоблачает всю искусственность её самообладания. Госпожа, подхватив подол платья, решительно направляется в сторону шампанского за дополнительной порцией, и, право же, неизвестно, сколько Зарина собирается выпить порций, но — внимание! — распорядитель банкета объявляет официальную часть, и гости приглашаются в зал.

Зарина вынуждена оставить фужер и присоединиться к толпе, а я, если ты, конечно, читатель, позволишь, выпью этот аперитив за неё. Прости мне эту игру слов, пить я буду ВМЕСТО Зарины, но ЗА тебя. Пузырьки наполовину выдохлись, но это всё ещё великолепный брют. Пока гости потихонечку входят в зал и рассаживаются там, я успею произнести тост, а после вернусь к прежнему ритму своего повествования.

Признаюсь, дорогой друг, репортаж не мой стиль, его нервный торопливый ход мешает видеть суть событий, не отходя, как говорится, от кассы. Хотя я подробно комментирую детали обстановки и даже малейшие движения своих героев, но ты, вместо того чтобы задуматься об истинном смысле происходящего, спешишь за моим речитативом дальше, будучи уверенным, что видишь всю картину целиком. Но посмотри, как много упустил ты из внимания, увлекаясь моей скороговоркой:

Заметил ли на самом деле Зарину Любимый? Конечно, да! Но сделал вид, что любуется Пассией.

Заметила ли Пассия Зарину? Разумеется! И заметила сразу, как только та появилась на парадной лестнице! Более того, Пассия намеренно прошлась рядом с инсталляцией, где, как ты помнишь, Зарину окружили гости.

А что гости? Что друзья и знакомые? О, они потому её и обступили, что жаждали узнать, насколько эта гордая, важная Госпожа оправилась после расставания с Любимым, им любопытно, насколько уверенно держится она в обществе, где ранее занимала высочайшее положение, и, не скрою, яркий румянец Госпожи при виде Пассии тотчас же бросился им в глаза, они многозначительно посмотрели друг на друга, когда Зарина устремилась за новым фужером шампанского, а поскольку Пассия ещё не успела покинуть зону их полукруга, они все дружно приветствовали её.

И я сейчас держу фужер Зарины, спешно оставленный ею, и говорю с тобой, и собираюсь выпить за тебя, и найти слова и пожелания, которые бы тебя порадовали и осветили твои, возможно, суровые и тусклые

будни. И коль скоро речь у нас идёт о контексте, то и мои пожелания должны родиться из него, хотя я всё ещё не могу нащупать, что было бы тебе приятным. Хочешь ли, я выпью за то, чтобы днём и ночью окружала тебя красота, подобная той, что мы видим в усадьбе? Хочешь ли блистать на великосветских раутах, будучи окружённым толпой нарядных гостей? Хочешь ли начинать утро с фужера игристого и любоваться с балкона дворца на свою винодельню? Хочешь ли организовать свой бал для помощи нуждающимся и отдавать им от избытка своего? Ведь что может быть приятнее избытка? С ним будущее расстилает перед тобой самые роскошные ковры: бирюзу океанов и белизну райских островов, шёлк альпийских лугов и золото песков африканских сафари. Чем больше избыток, тем заботливее солнце прогревает место, которое ты облюбовал под ним. С избытком легко исполнить заповедь «возлюби ближнего, как самого себя», ведь какое умение можно считать более искусным, чем способность помочь ближнему, не оторвав от себя? Но кто, мой читатель, хотел бы оказаться на месте этого ближнего, нуждающегося в помощи? Я, признаться, каждый раз говорю себе: тьфу, тьфу, тьфу, как бы чего не вышло…

Мой друг, прости, я залпом пью за «как бы чего не вышло», гости давным-давно расселись, и я бегу, чтобы успеть втиснуться в почти закрывшуюся дверь!

Глава 6

В которой мы наблюдаем схватку двух невидимых глазу исполинов

Когда за дело берётся женская рука, а благотворительные балы, как правило, дело женской руки (преимущественно одной левой, потому как правая вместе с сердцем вверена успешному или очень успешному мужчине, и ей приходится управляться там), есть две вещи, за которые никогда не надо переживать. Первое: нехватка лотов, вторая: рассадка гостей.

Женская рука, организующая нынешнее мероприятие, принадлежала супруге Хозяина Усадьбы. По документам она не являлась Хозяйкой Усадьбы наряду с мужем, но была Хозяйкой Бала, а также Хозяйкой бранчей, ланчей и прочих дружественных встреч. К слову сказать, дружественные встречи зачастую объединялись, так что бранч перетекал в ланч, ланч — в препати, препати — в основное пати, пати — в афтепати, афтепати — в бранч, бранч — в ланч, ланч — в препати, препати — в пати и так далее, и организовывались с таким размахом, что всем, кому посчастливилось быть приглашёнными на них хоть однажды, сразу становилось понятно, что на самом деле супруга Хозяина Усадьбы, не будучи Хозяйкой Усадьбы, являлась Хозяйкой Хозяина Усадьбы и пользовалась уважением безмерным. И если супруг привлекал под своды своей дружелюбной площадки крупных финансистов и государственных деятелей, то супруга — их великолепных жён (и тех, кто на эту роль метил с того или иного прицела). Под её эгидой действовал закрытый

женский клуб ЖЗЛ, что означало «Жёны замечательных людей», и, надо признать, основная часть лотов принадлежала именно ему: на благотворительные торги выставлялись платья от именитых дизайнеров, как правило, лишь однажды надетые или не надетые вовсе. В какой-то момент подобные лоты своим количеством вытеснили произведения творческой среды: модных художников, скульпторов и фотографов. Хозяйка Бала, столкнувшись по этой причине с критикой своей деятельности со стороны творческих союзов, вынуждена была ввести квоты на одежду, и отныне благотворительным лотом мог стать наряд от полутора миллионов рублей, или от тридцати тысяч долларов, или от двадцати пяти тысяч евро, или от двадцати тысяч британских фунтов. Признаться, это некоторым образом исправило ситуацию и освободило дорогу лучшему из того, что мог предложить мир искусства.

Как ты помнишь, мой друг, шедевр Зарины скорее принадлежал миру искусства, нежели моды, ценник его соответствовал самой высокой планке, и оставалось надеяться только, что платье не узнает Любимый, в своё время отдавший за тесёмочку от Помпадур внушительную сумму. Впрочем, оно не было надето ни разу, потому Зарина с самым уверенным видом сидела за столом в окружении соседей, тщательно подобранных друг к другу Хозяйкой Бала. Последняя имела диплом психолога, а потому в рассадке гостей руководствовалась соционикой, транзактным анализом, хьюмэн-дизайном и прочими теориями межличностных отношений, которые, однако, в её интерпретации сводились к бытовому гороскопу. Так, например, Хозяйка никогда не сажала

скорпионов со львами, даже если у скорпиона солнце находилось в доме льва, дев не сталкивала со стрельцами, рыб с весами, исключения составляли уже состоявшиеся пары, чья несовместимость не была ответственностью приглашающей стороны. Что касается овна Зарины, то компанию по столу ей составили: неженатый бизнесмен, близнец Дмитрий Дмитрий, владелец сети продуктовых магазинов, пожилая вдова рыба Виктория и симпатичная молодая дама, водолей в разводе, в которой Зарина узнала свою давнюю знакомую Полину. В свой золотой век Зарина, как и прочие, избегала расставшуюся с мужем Полину, тем более что муж Полины и Любимый были дружны, но в свете изменившихся обстоятельств Госпожа выразила Полине самое искреннее радушие, получив в ответ то же расположение.

Был хорошо знаком Госпоже и Дмитрий Дмитрий, известный в тусовке повеса, со многими из его девушек Зарине доводилось общаться лично, все они сменяли друг друга на фоне его постоянных отношений с таинственной особой по имени Шарлотта, которую никто никогда не видел, но все были о ней наслышаны: часто Дмитрий Дмитрий (а по-приятельски Дима Дима) имел обыкновение в момент тяжёлой степени опьянения вещать оказавшимся рядом слушателям о своих сложных с ней отношениях. Многие в тусовке думали, что на самом деле женщины этой не существует, а Дима Дима имеет дело с некой подсознательной абстракцией, посещавшей его всякий раз, как доза выпитого переваливала за полтора литра, и что абстракция это не что иное как работа, которой он посвящал все свои силы в свободное от девушек и вечеринок время. Надо отметить, что

сил после девушек и вечеринок оставалось не так уж и много, частенько Дима Дима собирал их последние остатки, чтобы распорядиться прибылью, которой работа награждала его довольно щедро, но, осыпанный прибылью, он всякий раз сбегал от своего богатства. Бывало, захочет построить виллу на Кипре, подыщет бригаду, заключит контракт с дизайнером, заложит фундамент, а потом сбегáет — строить дачу во Франции. Найдёт во Франции бригаду, заключит контракт с дизайнером, заложит фундамент и снова сбегáет — строить дом в Испании. Подыщет бригаду в Испании, заключит контракт… в общем, отношения Димы Димы с работой и прибылью нельзя назвать простыми, — чтобы в них разобраться, надо быть хорошим психологом, каковой являлась вышеупомянутая Хозяйка Бала, поэтому Дима Дима находился с ней в прекрасных доверительных отношениях. Кстати, именно после её сеансов терапии Дмитрий стал называться Дмитрием Дмитрием: во-первых, чтобы усилить эффект от знака близнецов, а во-вторых, чтобы удвоить положительные качества, заключённые в его имени. Так, в Диме Диме умножились харизма, дружелюбие, везение, острый ум. Правда, недостатки, такие как неуступчивость, влюбчивость, непредсказуемость и расточительность, обозначились в нём с той же двойной силой, но при ближайшем рассмотрении они оказывались продолжением достоинств: коллеги признавали, что на работе непредсказуемость держит всех в узде, а девушкам нравилась его расточительность. Надо сказать, что и Полина водила с Димой Димой весьма тёплую дружбу, поскольку он, помимо сети продуктовых магазинов, владел гольф-клубом — его

регулярно посещали двое сыновей Полины, проживающие с ней после развода.

Не успели соседи по столу обменяться приветствиями, улыбками и комплиментами, как вспыхнул прожектор и на сцене под торжественную увертюру в исполнении оркестра появились Хозяйка Бала с Хозяином Усадьбы. Смотрелись они гармонично в своей противоречивости. Седой Хозяин, с аккуратной бородкой и изящными очками, одетый в твидовый тёмно-зелёный костюм-тройку с золотой бабочкой, походил на старого благородного лорда, Хозяйка же, средней, но всё-таки молодости, с резкими, выразительными чертами лица, длинными волосами «тёмный блонд» и ярко-красной помадой, в меру изящная, в меру крупная, выступала в образе феи-крёстной, надев пурпурное сверкающее платье с рукавами-буфами. Эти муж и жена являли собой симбиоз чуда и практичной основательности, неба и твёрдой почвы, облака и камня, песни и барабана, а если эти образы обобщить, то мечты и возможностей, цели и кошелька.

Хозяин выдвинулся вперёд, чтобы обратиться к гостям с приветственной речью, которую сам сочинял в течение двадцати восьми осенних вечеров.

— Дамы и Господа, — начал он, обводя умилительным взором круглые столы, рассыпанные у сцены и облепленные сияющими благотворителями. — Рад видеть вас сегодня здесь, в моей гостеприимной усадьбе, в этот торжественный великий день...

Но какая досада, мой друг, какая досада! Ты, вероятно, ещё не забыл, что мною выпит залпом целый фужер шампанского, — и пик опьянения, тот самый пик,

когда оставшаяся половина хулиганистых пузырьков достигла самого центра моего утомлённого долгим рассказом мозга, пришёлся, к большому несчастью, на речь Хозяина Усадьбы. Послушай, пожалуйста, сам его выступление и по возможности поясни мне суть сказанного, так как мой бедный разум вынужден отключиться, если не полностью, то вероя… пффф…

Речь Хозяина Усадьбы, произнесённая им на благотворительном балу в Усадьбе, Хозяином которой он является

— Дамы и Господа, рад видеть вас сегодня здесь, в моей гостеприимной усадьбе, в этот торжественный великий день! Ко многому обязывает нас этот день… Нет-нет, не только этот, для того чтобы на этот день душу выложить, а на всю оставшуюся жизнь в году забыть об этом. Я о другом… Я о том, что в этот день надо бы задуматься, что я считал бы главным, и это бы пожелал всем нам, об одном единственном… Мне кажется, что в том единственном, который может послужить фундаментом счастья, этим единственным, на мой жизненный опыт, на изученность этой темы, которую, хочу сказать, является одно: надо всем нам, но прежде всего вам, которые должны понимать, что творить добро — это центр мироздания. Надо понять, что добро и недобро — это совершенно разные миры и их нельзя подминать друг другом, их нельзя встраивать в свой мир, чтобы они шли вместе, им, другим мирам, нельзя указать, быть добру или недобру. Но пока мы делаем добро, если мы будем пом-

нить об этом, то быть только добру. Этот добрый мир, если мы будем давать эту данность и никогда не покушаться на этот имеющий право на свой мир, то каждый из вас, дойдя до этого, обречён на счастье. Скажу откровенно, я к этому приходил долго, потом ещё и учился. К этому приходит не каждый, приходят единицы из тысячи, уже к зрелому возрасту, и этому, к сожалению, не учат, но, если мы воспользуемся этим и советом, и пожеланием на всю оставшуюся жизнь для каждого из вас, дорогие гости, для каждого из нас, не подминая мир добра под недобро, несопоставимый мир, мы будем обречены на счастье. Советую и желаю. Берегите добро! Берегите своё добро и добро друг друга! Храните этот во многом чудесный мир, имеющий право на собственное существование в своей целостности…

О, слышу, слышу, грохот аплодисментов и восторженный рёв зала, подобный ангельской трубе в Судный день. Он пробудил моё сознание, и голос мой, как бы помимо воли, встроился в общий ликующий хор. Вижу, что речь произвела, мой друг, на всех глубокое впечатление, и догадываюсь, что по причине эмоциональности, терзающей тебя, вероятно, с рождения, ты впал в оцепенение и даже не заметил, как твой указательный палец взметнулся вверх, чтобы вытереть слезу, но застыл у виска. Побудь недолго в медитативном созерцании услышанных глаголов, жгущих сердца людей, не хуже жаровни Ибуки, а я, отхлопав положенное число раз, продолжу свой рассказ.

Гул всё ещё разливался по залу, когда оратора (многие сошлись во мнении, что это воскресший Демосфен) сменила худощавая оперная певица и затянула витиева-

тую печальную арию, призванную настроить публику на нужный лад. К концу седьмой минуты публика перешла на шёпот, но не замолчала совсем. Мужскую половину не отпускал призыв «берегите добро», а женскую волновало платье Хозяйки, которое по традиции на следующем балу появится в качестве лота. Выкупить его означало попасть в лист категории «А» и получать приглашения на все статусные вечеринки ещё как минимум год. На двадцать шестой минуте арии зал наконец стих, равно как и сама ария, и сценой завладела истинная Королева бала в кипенном благоухающем венце — Её Величество Милосердие.

Мой друг, ты снова слушаешь меня с полным вниманием, однако же, я намереваюсь пропустить хотя и великолепные, но похожие друг на друга лоты от клуба ЖЗЛ, представшие пред взором Её Величества. В конце концов, ты можешь посмотреть каталог, который я обязательно прихвачу на выходе, но отмечу, что ласковое дыхание сопереживания и доброты коснулось каждого присутствующего: публика была так щедра, мужчины так внимательны к своим спутницам, что многим платьям удалось отбить их первоначальную стоимость. По мере того как лоты отправлялись к своим новым владелицам, гостями всё больше овладевал восторженный порыв, и уже не оставалось ни одного, даже самого укромного уголочка чьей-либо души, чтобы в нём не воцарилось Милосердие. И когда очередь дошла наконец до платья Зарины, публика была в состоянии, близком к экстазу.

Лот Зарины завершал основную часть торгов и, поскольку являлся произведением искусства, то удачно

выполнял роль моста от нарядов к картинам, скульптурам, фотографиям и сервизам, а потому его особенно торжественно вывезли на сцену, накрыв чёрной прозрачной тканью с воланами. Хозяйка, всегда выступающая в роли ведущей, когда дело касалось платьев, одобрительно кивнула.

— Леди и джентльмены, — объявила она, указывая на вешалку, — мы рады представить вам жемчужину нашего сегодняшнего вечера — изумительной красоты творение, любезно предоставленное нам Госпожой Зариной! Платье, которое является визитной карточкой её собственной линии вечерней одежды под маркой Gospozha Z, похлопаем!

Зарина приподнялась со своего места и приветливо, хотя и не без чувства гордости, улыбнулась всем обратившим на неё свои взоры и подарившим ей аплодисменты, а это был весь зал, если не считать Любимого с Пассией, вдруг уткнувшихся в телефоны.

Хозяйка собственноручно скинула покрывало и перед публикой предстало уже знакомое нам перламутрово-серое бархатное платье элегантного кроя. На первый взгляд, оно сильно уступало ранее проданным лотам.

— Стартовая цена — тридцать тысяч евро!

Зал, имеющий твёрдое намерение активно расставаться со средствами до конца вечера, вдруг в нерешительности застыл.

— Это, господа, не просто платье, — продолжила Хозяйка Бала, — это исторический артефакт! Раньше вот эта тесёмочка украшала туалет самой Маркизы де Помпадур! Франция, XVIII век! Лувр, господа! Фаворитка короля!

Зарина заметила, как Любимый зашептался о чём-то с Пассией, та сморщилась и надула губы, отдернув руку от таблички с цифрой. Другие дамы, напротив, с интересом уставились на лот, и руки некоторых из них уже вцепились в сигнальные палки, готовые взметнуться вверх, как Хозяйка добавила:

— Обратите внимание, господа, в отделке этого платья использован турецкий алтабас XVII века с плеча Мурада IV, господа! Уникальнейший музейный экземпляр!

Успевшие подняться цифры мигом опустились. Надо сказать, что как раз на момент благотворительного бала наша страна прервала всякие отношения с Турцией. Межгосударственный конфликт достиг такого напряжения, что даже маниакальные любители турецких курортов бойкотировали их берега. И теперь государственные мужи, равно как и бизнесмены (впрочем, «как и» можно опустить в силу того, что мы наблюдаем здесь редкое единение душ), оказались заложниками конфликта двух добродетелей, свидетелями битвы двух исполинов — Милосердия и Патриотизма, — и, мало того, результат этого сражения зависел конкретно от их благоволения той или иной стороне! Но может ли сердце воевать против лёгких? Может ли добрый отец выступать против ласковой дочери?

Мой друг, когда в схватку вступают силы противоположные, когда Зло восстаёт против Добра, Жадность против Щедрости, Ложь против Правды, то этот сценарий тебе с детства знаком, хотя жизнь, цинично им пренебрегая, навязывает другую систему координат: когда Зло воюет против Зла, Жадность против Жадности, Ложь против Лжи. Признайся, как часто принимаешь ты решения, находясь между Сциллой и Харибдой, между тигром

и крокодилом? Но если в душе твоей столкнулись Добро с Добром, что скажешь ты? Если Милосердие и Патриотизм скрестили шпаги, как распознать уколы совести?

— Господа! — Хозяйка, не на шутку встревоженная повисшей в зале тишиной, в которой ясно ощущалось враждебное отношение к лоту, спустилась со сцены.

— Дамы! Ну что вы, ей-богу, посмотрите, какие прекрасные гранаты! Они принесут вам счастье! Счастье, господа! Господа, вспомните, кому мы собираем сегодня средства! Ещё раз посмотрите на этот великолепный туре…

Тут Хозяйка осеклась, до неё наконец дошла щекотливость ситуации. Что касается Хозяина Бала, то он, как на грех, ещё два часа назад убежал по острой нужде и, следя из кабинки санузла за прямой трансляцией, заснул, окутанный благовониями, мертвецким сном.

Тем временем один большой государственный деятель, в которого вмещалась столь же большая душа, наблюдая за поединком, развернувшимся на его широком внутреннем пространстве, заметил, что Милосердие стало потихонечку перевешивать, и тогда его густой бас громогласно провозгласил цену в пятьсот рублей. Аудитория одобрительно загудела, некоторые вскочили со своих мест, размахивая табличками.

— Отлично! — обрадовалась ведущая, подбегая к государственному деятелю с раскинутыми объятиями и поцелуем. — Попробуем по голландской системе! — Хозяйка развернулась к залу. — Кто меньше?

Всё это время Зарина смотрела на происходящее, до последнего удерживая улыбку. Странный сценарий торгов казался ей запланированной шуткой, хотя и дурацкой,

она не догадывалась, какая битва развернулась в душах благотворителей, но вопрос Хозяйки «кто меньше?» вдруг отрезвил её, подобно пощёчине, которой так несправедливо награждается упавший в обморок бедняга. Зарина и сама не помнила, как вылетела на сцену.

— Люди! — воскликнула она, оказавшись у микрофона. — Люди, дорогие гости, товарищи, послушайте… — Зарина тряхнула клатчем, в нём угрожающе громыхнули помада, пудра и кредитки. — Послушайте, это вам не распродажа! И не благотворительный марафон!

Госпожа запнулась, увидев, как Хозяйка схватила с ближайшего столика чей-то стакан с водой и, не успев донести его до рта, опрокинула на декольте, по ходу освежив и чью-то лысину.

— То есть… я хотела сказать… Хотела сказать… Я снимаю лот!

По залу пронёсся вздох облегчения, который Зарина, находясь в смятении чувств, приняла за протест.

— Я снимаю лот, — повторила она.